

Назад в будущее

Ключ к загадке Скрябина
отыскан у Рахманинова

Михаил СЕГЕЛЬМАН

**Поклонникам Российского
национального оркестра
известна ненависть
коллектива
и его руководителя,
Михаила Плетнева,
к репертуарной рутине.
Очередной сюрприз —
два Прометея на сцене
Большого зала
консерватории.**

Первый сюрприз в мире известен под именем Вячеслава Артемова. Его симфония «Путь к Олимпу» задумана как первая часть грандиозной тетралогии. Боюсь, что в стройном хоре восхвалений мой голос выглядит одиноким, и тем не менее... Уже много лет Артемов успешно создает миф об этаким «музыкальном Прометее», рождавшемся вопреки всему и вся и душимом советской властью. Невольно вспоминается Довлатов — один его друг на вопрос другого его друга о том, не пойти ли к писателю «Х», ответил:

- Не пойду. Какой-то он советский.
- Вы ошибаетесь.
- Ну антисоветский. Какая разница.

**Вячеслав Артемов жив
и чувствует себя хорошо**

Не правы были коммунистические чиновники — надо было разрешить Артемова. Два-три исполнения — и миф умер бы в зародыше. А так он жив и хорошо себя чувствует, имея немалый коммерческий успех. Кого интересует содержание опуса Артемова, советую послушать «Литургическую симфонию» классика музыки нашего века Артюра Онеггера — идея та же, качество — несопоставимо. Наш философ позаимствовал у француза швейцарского происхождения даже конкретные детали, вроде пения птиц как символа жизни после ужасающей картины апокалипсиса... Да, чуть не забыл — симфонии Шостаковича не забудьте послушать.

Единственная отрада — игра оркестра. Как выразился коллега-журналист — «в таком исполнении можно послушать и Артемова».

Второй «Прометей» — на сей раз настоящий — симфоническая поэма Александра Скрябина. «Одно из новых открытий Скрябина заключалось в том, что, как он считал, существуют связи между звуками, то есть некоторыми аккордами и тональностями, и цветами солнечного спектра. Если не ошибаюсь, именно тогда (в конце 1900-х — начале 1910-х годов. — М. С.) он работал над планом большого симфонического произведения (это и был «Прометей». — М. С.), в котором, помимо событий чисто музыкальных, должна была присутствовать игра света и цвета. Он никогда не задумывался о реальном воплощении своих идей в жизнь, эта сторона вопроса его мало беспокоила. Скрябин собирался ограничиться тем, чтобы поставить в партитуре световые и цветовые обозначения».

Кто бы, вы думали, сие написал? Сергей Рахманинов. Последняя фраза — ключ к тому, что произошло в Большом зале. А произошло — исполнение со светом и звуком — в «оригинальном варианте». Ой ли?

Но все равно здорово, не хуже Жана Мишеля (в смысле — Жарра). Про игру оркестра — смотри выше.

Меж двумя Прометеями удобно расположился Алексей Любимов с фортепианной музыкой позднего Скрябина. Необыкновенный пианист! И во многом именно потому, что часто с ним не соглашаешься. Ум и слух в восторге, а сердце не хочет такого холодного Скрябина. Что же до «Прометея» — то лучшего исполнителя, чем Любимов, с его уникальным ансамблевым чутьем, и пожелать нельзя.

Веч. Москва, - 1998 - 29 сент. - С. 5